

Виктор Пронин

Весеннее задержание



*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*



Ксенофонов и Зайцев

Виктор Пронин

Весеннее задержание

«ЭКСМО»

2005

Пронин В. А.

Весеннее задержание / В. А. Пронин — «Эксмо»,
2005 — (Ксенофонтов и Зайцев)

«Зайцев и Ксенофонтов сидели под навесом трамвайной остановки и молча наблюдали, как весенний дождь старательно освежал и без того свежую листву. Оба пребывали в том редком состоянии, когда не нужно было спешить и никакие дела, ни газетные, ни следственные, не тревожили их и не заставляли куда-то мчаться, хватать уже занятые такси, втискиваться в телефонные будки и бросать в щели автоматов гривенники, поскольку некогда их разменивать на двушки...»

© Пронин В. А., 2005

© Эксмо, 2005

Виктор Пронин

Весеннее задержание

Зайцев и Ксенофонтов сидели под навесом трамвайной остановки и молча наблюдали, как весенний дождь старательно освежал и без того свежую листву. Оба пребывали в том редком состоянии, когда не нужно было спешить и никакие дела, ни газетные, ни следственные, не тревожили их и не заставляли куда-то мчаться, хватать уже занятые такси, втискиваться в телефонные будки и бросать в щели автоматов гривенники, поскольку некогда их разменивать на двушки...

Друзей нисколько не раздражало затянувшееся отсутствие трамвая. Они могли прекрасно обойтись и без него, могли просто отправиться на набережную, но дождь продолжался, и оба сидели, наслаждаясь полным бездельем и видом разноцветных прохожих, которым наконец-то представилась возможность обновить свои зимние покупки – зонтики, плащи, туфельки. Да, все это было куплено в суровые зимние холода. А сейчас, когда отошла земля и птицы встревоженно разгребали вскопанные клумбы сухонькими своими лапками, магазины, конечно же, были завалены шапками, пальто с меховыми воротниками и резиновыми сапогами, совершенно незаменимыми в осеннюю распутицу.

И вдруг до них донесся возбужденный шепот. Чуть повернув голову, Ксенофонтов увидел двух женщин с хозяйственными сумками. Опасливо озираясь по сторонам, они делились друг с дружкой какой-то ужасной тайной. Одна рассказывала, посверкивая по сторонам маленькими глазками, вторая безутешно качала головой, не замечая, как с навеса ей на плечо льется тонкая струйка дождя.

– Ай-ай-ай! – причитала она. – Подумать только! Это же надо!

– Говорят, две машины телевизоров вывезли – и как корова языком. Никто ничего не видел, не слышал!

– Господи боже ты мой! Царица небесная!

– Во как! Милиция с ног сбилась, а собаку вызвали – она только понюхала и тут же сдохла.

– Батюшки-светы! – вскрикнула женщина. – Неужели бывает такое?!

– Я тебе еще чего скажу – одних радиоприемников этих маленьких, которые на батарейках работают, больше сотни увезли. И – как в воду! Как в воду!

– Это ж сколько тыщ! – Женщина закрыла рот рукой.

– А ты говоришь, белье с веревки унесли, – рассказчица махнула рукой.

– Так универмаг-то государственный, а бельишко мое! – резонно заметила слушательница.

Зайцев улыбнулся всепрощающе – чего, дескать, с них возьмешь, слухами питаются. Взглянув на него, Ксенофонтов догадался, что друг знает об этой истории. Дождь неожиданно кончился, и теперь с неба падали только последние задержавшиеся капли.

Друзья вышли из-под навеса и медленно направились к набережной. Пахло листвой, теплой землей, далеким дымком, и все это складывалось в необъяснимый запах, заставляющий вспомнить прекрасные давние времена. И даже если они были не такими уж прекрасными, весенний запах обладает какой-то колдовской силой облагораживать, возвышать наше прошлое, людей, которых мы знали в прошлом, заставляет печально вздыхать даже тех, у кого все в будущем.

– Так что там, с универмагом-то? – спросил Ксенофонтов, перешагивая длинными своими ногами через лужи на асфальте. – Неужто подчистую?

– С универмагом все в порядке, – Зайцев придирчиво осмотрел свое отражение в витрине гастронома. – Магазин радиотоваров обчистили. Ничего сработали, довольно грамотно.

– Много взяли?

– Прилично. Десятка полтора хороших транзисторов уволокли. Ну, ничего, далеко не унесут.

– Надо же, – с сожалением проговорил Ксенофонов. – А тут никак один не купишь. Только соберешься – туфли приказали долго жить, а там костюм...

– Да, для тебя костюм – дело непростое, больно ты длинен, больно долговяз... До чего обнаглели – телевизор прямо в магазине включили. Во время ограбления передачу смотрели, представляешь! Утром продавцы приходят, а там уже утренние последние известия передают.

– И никаких следов?

– Разве что пара окурков... Но это, сам понимаешь, те еще следы... Да и они ли оставили их... Но есть и просветы, – однако Зайцев распространяться не стал, вспомнив, что работает все-таки следователем, а не газетчиком, чтобы вот так запросто выбалтывать важные сведения. – Слушай, а не отправиться ли нам с тобой как-нибудь на острова, а? Смотри, там все уже зеленое... Возьмем с собой пивка, пару рыбешек, а?

Ксенофонов, занятый своими мыслями, не отвечал. Выпятив губы так, что усы его уперлись в ноздри, он мерно вышагивал по мокрому асфальту, сунув руки глубоко в карманы брюк.

– Слушай, – сказал он, – а в каком часу это было?

– Ты о чем? А, ограбление... Между десятью и одиннадцатью вечера. Примерно в половине одиннадцатого.

– А как удалось установить с такой точностью?

– Свидетельница нашлась. А как же! Думаешь, совсем ничего не умеем делать? Нашли голубушку. Девушка шла после кино домой и в окне увидела грабителя. Там, понимаешь, окна закрашены масляной краской...

– Дело привычное, – обронил Ксенофонов. – Закрашиваем окна, заколачиваем парадные, огораживаем скверы, будто к татарскому нашествию готовимся.

– Ты слушай и не перебивай. Окна были выкрашены масляной краской, а свет в магазине горел, и девушка на стекле увидела профиль одного из ночных посетителей. Говорит, вроде запомнила его – кепка, поднятый воротник, курносый, толстогубый. Она подумала, что в магазине какие-то работы ведутся, а утром, когда узнала, сообразила, что за работы... – Зайцев облокотился о холодные после зимы гранитные блоки набережной. – А еще мне хочется сесть на какой-нибудь корабль и поплыть, поплыть... Чтобы мимо города, баржи, берега...

– Устал ты, старик, – сочувственно произнес Ксенофонов. – Устал. Пойду газету куплю, – он перебежал через улицу, подошел к киоску. Возвращаясь, Ксенофонов на ходу развернул газету, быстро окинул ее взглядом и к Зайцеву подошел, уже свернув ее в трубку.

Потом друзья сидели на скамейке, смотрели в голубовато-белесую гладь реки, словно впитывая в себя весенний свет, тепло, словно отходя после затяжной слякотной зимы.

– Представляешь, старик, – заговорил Ксенофонов, – так привыкаешь к голым промерзшим ветвям, что весной охватывает искреннее удивление, когда видишь зеленые листочки. Казалось, этим ветвям никогда уже не ожить, никогда не выбросить побеги, не покрыться листвою.

– Да, это плохо, – равнодушно кивнул Зайцев, не желая, видимо, проникнуться грустью друга.

– А я ведь не о деревьях говорю, я о себе... Да, старик, каждой весной не могу удержаться от удивления, когда чувствую, что оживаю, начинаю замечать цвет неба, форму облаков, когда запах духов ощущаю, когда снова понимаю, что девичьи коленки – не такая уж безобидная вещь, как может показаться какому-нибудь марсианину. В девичьих коленках, если ты хочешь знать, таится странное, необъяснимое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.